

Рассказ "за пятнадцать рублей"

В статье одессита Семена Гехта, написанной к годовщине со дня смерти Ильи Ильфа и опубликованной в московском журнале "Литературное обозрение" (1938, № 8, 23 апр.), написано:

"Первый рассказ Ильфа был напечатан в каком-то уральском журнале; взял его у Ильфа уральский представитель, заплатив пятнадцать рублей, даже не сообщив названия журнала. Если память мне не изменяет, рассказ был из времен германской оккупации на Украине и главный его герой — мальчик. Помню превосходную сцену: растерянный мальчуган стоит в большом зале среди множества зеркал. Рассказ был написан в импрессионистской манере, слог отличался редким изяществом".

Сюжет, запомнившийся Гехту, позволяет узнать рассказ Ильфа "Маленький негодяй", напечатанный в "Гудке" 6 января 1924 г. (Он не был первым — первая подписная публикация Ильфа появилась в "Гудке" 1 ноября 1923 г.) Нельзя не порадоваться двойной удаче автора: сначала он получил от уральского представителя "сумасшедшие деньги", а потом напечатал тот же рассказ в "Гудке". Однако только сейчас, в 2011 году, в екатеринбургском журнале с неожиданным названием "Товарищ Терентий" (1923-1925) обнаружился рассказ Ильфа "Галаганчик" (в журнале он назван очерком). Это тот самый рассказ "за пятнадцать рублей" — ранний, практически черновой вариант "Маленького негодяя". В нем нет петуха, которым так лихо орудовал малолетний герой, Одесса оккупирована не австрийцами, а французами, и т. д. Есть небольшие расхождения (не Стенька Митрофанов, а Мишка Галаганчик, не Белые Струги, а Трифионовка, не "фунт лиха", а "сотня корешков"); есть и более существенные различия, в том числе стилистические, не говоря о том, что "Галаганчик" значительно короче.

Кстати, начинается он примечательной фразой: "На зеленых деревьях запрыгала и пошла петь мелкая птичья сволочь". Сравните: "В пшенице кричала и плакала мелкая птичья сволочь" (Ильф. Рыболов стеклянного батальона. Гудок, 1923, № 1064, 1 дек.) и "В травах кричала мелкая птичья сволочь" (Золотой теленок, гл. "Сладкое бремя славы"). Исходя из даты публикации "Рыболова...", можно сказать с уверенностью, что "Галаганчик" написан в 1923 году.

"Галаганчик" пополнил цикл коротких ильфовских рассказов на одесские темы.

Мне особенно приятно, что рассказик найден в Интернете не кем-нибудь, а внуком Ильфа и моим сыном — Ильей Кричевским.

Постскриптум: О журнале "Товарищ Терентий" (Интернет)

18 марта 1923 г. вышел первый номер иллюстрированного журнала "Товарищ Терентий" — приложение к газетам "Уральский рабочий" (Екатеринбург), "Знамя" (Пермь), "Советская правда" (Челябинск), "Трудовой набат" (Тюмень); с 1924 года — двухнедельное приложение исключительно к газете "Уральский рабочий".

Первый уральский литературный журнал не только объединил литераторов огромной территории Урала, но в нем систематически публиковались произведения лучших советских писателей тех лет: Демьяна Бедного, Ю. Либединского и А. Неверова, Н. Асеева и С. Клычкова, Н. Ляшко и М. Кольцова, А. Жарова и А. Безыменского, И. Ильфа и Вс. Иванова, Ал. Толстого и А. Серафимовича. Маяковский печатался в "Товарище Терентии" с первого номера. Журналу принадлежат первые публикации его стихотворений "На земле мир, во человецех благоволение", "Газетный день", статей "Можно ли стать сатириком?", "Агитация и реклама", "Мелкий нэп", "О мелочах". В "Терентии" П. Бажов напечатал четыре своих произведения.

Но почему "Товарищ Терентий"? Что за Терентий?

По воспоминаниям П. Бажова, художник, получивший задание оформить обложку нового журнала и пришедший в мастерскую завода "Металлист", выбрал в натурщики некоего товарища Терентия. Имя натурщика записал на обороте эскиза. Организаторы журнала приняли рисунок, и чем-то им понравилось сочетание слов: ТОВАРИЩ ТЕРЕНТИЙ. Это название и стало заголовком журнала.

ГАЛАГАНЧИК.

Очерк. — Ильф.

На зеленых деревьях запрыгала и пошла петь мелкая птичья сволочь. Два французских солдата, театрально разговаривая, перешли улицу. Кроме того, кто-то громко, прекрасно и нецензурно выругался. Утро начиналось обыкновенно.

Но уже к десяти часам заварилась суматоха.

Все удалось скрыть, кроме цены на арбузы. Сначала она поднялась впятеро. Потом стало еще хуже. Арбузы исчезли вовсе.

Крошечная арбузная гавань, тесно заставленная барками, гавань, которая из-за плавающих в ней арбузных корок походила на чудесный, нежно-зеленый и светло-розовый ковер, стала геометрически пустой и пугающе правильной.

Парусники ушли и обратно с арбузами больше не возвращались.

Газеты выходили исправно и каждое утро накачивали читателей брехней о светлом будущем.

Те, кто знал, почему сотня корешков, не верили. Они уже поняли, что Струги Белые (место, откуда возили арбузы) заняты большевиками.

Дела пошли быстрее, чем ждали.

Сегодня всё стало ясно.

Под мост, в порт сползала гремучая негрская артиллерия. Французы в голубых рогатых шапках клялись и божились непонятными словами. Двадцать тысяч греков и двадцать тысяч их ослов одним духом ревели:

— Большевица!

Чемоданы всех цветов радуги грузились на подводы, пресветлые гастрономические магазины благоразумно одевались в железные шторы, дрожки увозили даму в истерике, и в центре всей каши вертелся Мишка Галаганчик, босячок четырнадцати лет.

Как раз сегодня он потерял квартиру, теплый мусорный ящик, в доме № 12.

У Галаганчика был длинный, мальчишеский мокрый язык. За это ему влетело.

— Я тебе покажу большевиков! — орал управляющий домом. — Во-он! У тебя, хулиганская морда, вырастет борода до колена прежде, чем они сюда придут!

Через два часа, теперь, управляющий этого бы не сказал. Галаганчик вспомнил его бушующую бороду, захохотал и помчался по светлому от прошедшего дождя асфальту.

Орущий, смеющийся и растрепанный, он очутился перед желтым дворцом командующего генерала.

Здесь все еще было чинно и тихо.

Для караула, стоявшего у гигантских арочных ворот, эвакуации еще не существовало. Появление возмутительного кривляющегося оборванца еще было невыносимым нарушением порядка.

Раздался короткий свисток.

Расстроенная куча жандармов устремилась на Галаганчика. Он оцепенел, считая несшиеся на него здоровеннейшие кулачищи и предчувствуя бесславные побои.

В ту же секунду голубое небо жутко загудело и лопнуло.

Воздушный вал навалился на малыша, земля дернулась, выскочила из-под ног, и Галаганчик обрушился.

Кругом все рвалось и тряслось от страшного бомбового удара.

Ослепленная и задушенная кучка преследователей развалилась. Сверкнуло еще раз, стало непереносимо тихо, и все, что еще могло ходить, ринулось в дворцовый подъезд, увлекая за собой ошеломленного Галаганчика.

С крыши по налетевшему аэроплану задребезжали пулеметы. Дела шли быстрее, чем того ждали.

В подъезде чья-то десятипудовая и вонючая спина прижала Галаганчика к двери.

Сердце его моталось, бунтовало и колобродило. Страх тащил за ноги. Галаганчик толкнул дверь и поскакал вверх по лестнице, забирая ногами по три ступеньки сразу.

На втором пролете он опомнился и остановился.

Сверху катились бледные лица и стучали сабли. Все это сбегало вниз, толкая и не замечая голодранца.

Решив, что жандармы внизу опаснее бомб сверху, он сделал большущий прыжок, влетел в огромную залу и, завопив от неожиданности, с размаху остановился.

Зала не имела конца.

Стен залы не было видно.

Огромные паркетные площади уходили вдаль, вперед, вправо, влево и терялись в стальном дыму.

И все это колоссальное пространство было битком набито голодранцами.

Сто тысяч голодранцев!

Галаганчик ахнул и опустился на пол.

Сто тысяч голодранцев тоже присели.

Галаганчик радостно засмеялся, поднял руку и сказал:

— Дураки!

Голодранцы разом раскрыли рты и подняли руки.

— Как на митинге! — сказал Галаганчик. — Опустите руки, сволочи!

И сам опустил. Все руки разом упали.

Это был зеркальный зал, и Галаганчики были один Галаганчик. Зала была пуста.

Он подошел к окну и посмотрел вниз.

Там было пусто и тихо.

Аллея шумела под ветром. По земле, шурша, перелетал листок бумаги. В конце аллеи лежал брошенный ранец.

Больше не было ничего и никого.

Галаганчик испуганно посмотрел дальше, вниз, в порт, и тихо зашевелил губами.

По приморской улице, поминутно останавливая и прячась за выступы домов, перебежали три солдата.

Земля задрожала, и вперед солдат выскочил пышущий, полный треска, броневик.

Красный флаг метнулся и пропал за высоким зданием.

С моря, с большого рейда палили окаменевшие громады французских броненосцев. Испуганное небо хоронилось под черным дымом.

Дела шли быстрее, чем можно было ждать. "Большевица" были уже в городе.

В пустом зале радовался и кричал Галаганчик.

— Долой! В будку францу..

На треск паркета он поспешно обернулся.

Прямо на него, к выходной двери, ломая паркет тяжестью своего тела, шел ослепительный офицер.

Галаганчик подошел поближе и посмотрел на француза с неожиданной задумчивостью. Губы его снова зашевелились.

Но офицер, не глядя на него, торопливо шел к двери.

Сверкая всем лицом и любезно, по-детски улыбаясь, Галаганчик ждал.

Офицер приближался.

Хрустальная люстра нервно шевелила своими цацками и звенела.

Галаганчик ждал и не сходил с дороги.

Офицер недоуменно и высокомерно покосился, но не свернул.

Расшитый рукав его куртки поравнялся с носом голодранца.

Галаганчик незаметно и молниеносно выдвинул босую ногу.

Грохот и гром потрясли зал.

Через час куча красноармейцев, появившаяся в широких и высоких дверях зеркального зала, изумленно остановилась.

В самом конце зала на полу сидел французский офицер. Лицо у него было похоже на мраморное мыло.

В пятнадцати шагах от него, держа в руке крошечный, сиявший, как серебряное солнце, браунинг, стоял Галаганчик.

— Сиди, сиди! — шептал он. — А то стрелять буду!

В дверях раздалось хихиканье.

Галаганчик посмотрел вперед, в зеркала, и увидел стоявших в дверях красноармейцев.

Он угрожающе махнул браунингом в сторону офицера и кинулся к дверям.

Там, хохоча и плача, он бешено врал о своих подвигах.

Его перебили:

— Как же ты такого слона...

Галаганчик завертелся на одной ноге.

— Ой! Он идет на меня, а я подножку — раз, он встал — я вторую, а потом по морде, по морде, по морде! Так он даже браунинг потерял с перепугу!

В зеркалах четыреста тысяч красноармейцев приседали от смеха и тормозили Мишку Галаганчика, маленького героя Октября, который был в апреле.

Галаганчик незаметно и молниеносно выдвинул босую ногу. Грохот и гром потрясли зал.

Через час куча красноармейцев, появившаяся в широких и высоких дверях верального зала, паузленно остановилась.

В самом конце зала на полу сидел французский офицер. Лицо у него было похоже на мраморное мыло.

В пятнадцать шагов от него, держа в руке крошечный, сиявший, как серебряное солнце, браунинг, стоял Галаганчик.

— Сиди, сиди! — шептал он. — А то стрелять буду!

В дверях раздались хихиканье.

Галаганчик посмотрел вперед, в зеркало и увидел стоявших в дверях красноармейцев.

Он угрожающе махнул браунингом в сторону офицера и кинулся к дверям.

Там, хохоча и плача, он бешено врал о своих подвигах.

Его перебили:

— Как же ты такого слона...

Галаганчик завертелся на одной ноге.

— Ой! Он идет на меня, а я подножку — раз, он встал, я вторую, а потом по морде, по морде, по морде! Так он даже браунинг потерял с перепугу!

В зеркалах четыреста тысяч красноармейцев приседали от смеха и тормозили Мишку Галаганчика, маленького героя Октября, который был в апреле.

